

Крамьнина К. М. Внутрисемейный этикет кумыков в XIX — начале XX веков / К. М. Крамьнина // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 209—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-209-219.

Kramynina, K. M. (2018). Family Etiquette of Kumyks of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyy dialog*, 11: 209-219. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-209-219. (In Russ.).

УДК 392.37:395(=1.470=512.1)“19/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-209-219

Внутрисемейный этикет кумыков в XIX — начале XX веков

© Крамьнина Камилла Магомедрасуловна (2018), orcid.org/0000-0002-0904-9973, младший научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанской академии наук (Махачкала, Россия), kamillorna2@gmail.com.

Рассматривается внутрисемейный этикет кумыков XIX — начала XX веков на основе уже имеющихся научных работ, посвященных бытописанию народов Кавказа, и собранного автором статьи экспедиционного материала. Показаны различные стороны внутрисемейных этикетных взаимоотношений кумыков в указанный период. Воссозданы и подробно проанализированы различные этикетные ситуации, роли и статусы каждого члена семьи. Поднимается вопрос об обусловленности отношений главенства и беспрекословного подчинения одних членов семьи другим в рамках этикета и соблюдения обязательных норм поведения. Актуальность данного исследования обусловлена интересом к самобытности семейных отношений разных народов на фоне глобализационных процессов, зачастую обесценивающих роль семьи. Указывается, что культура поведения, в частности этикетные отношения, основываются на этических нормах, которые на протяжении веков формировались как в социуме, так и в семье как его части. В настоящем исследовании рассматриваются внутрисемейные отношения у кумыков, которые регламентируются определенными этикетными правилами. Особое внимание уделяется внутрисемейному этикету в различных формах семьи — большой (неразделенной) (*уллу агълю* — кум.) и малой (нуклеарной) (*бир уьй агълю* — кум.), существовавших в изучаемый период у кумыков.

Ключевые слова: этикет; этикетная ситуация; нормы поведения; общение; кумыки.

1. Введение

Наиболее яркие проявления традиционного этикета и культуры поведения можно наблюдать в домашнем быту, так как именно в семье про-

исходит первое знакомство с нормами общения, выработанными в том социуме, частью которого эта семья является. Данная статья посвящена внутрисемейному этикету кумыков в XIX — начале XX веков. Мы рассмотрим такие модели внутрисемейных отношений кумыков, как «глава семьи — остальные члены семьи», «хозяйка дома — остальные члены семьи»; этикетные нормы поведения, реализуемые в отношениях «муж — жена», «невестка — домочадцы», а также этикет общения, принятый в процессе взаимодействия детей.

2. Модель «глава семьи — остальные члены семьи»

У кумыков в исследуемый период существовало две формы семьи — большая (неразделенная) (*улли аглю* — кум.) и малая (нуклеарная) (*бир уй аглю* — кум.). Часть семей можно отнести и к третьей форме — «переходной», так как эти семьи нельзя было назвать ни большими, ни малыми, они находились в состоянии перехода от первой формы ко второй, что выражалось прежде всего в том, что, разделившись в хозяйственном отношении, сыновья селились возле отцовского дома, сохраняя тем самым локальное единство.

Как правило, взаимоотношения в больших (неразделенных) кумыкских семьях основывались и регламентировались патриархальными нормами и традициями. Такая семья состояла из двух, трех и более поколений близких родственников-мужчин по нисходящим и боковым линиям, а также их жен.

Внутрисемейные отношения у кумыков строились согласно строгой иерархии. Все члены семьи должны были подчиняться главе семьи, чаще всего это был старший мужчина (отец — *атай, ата*; дед — *улли ата, дада*), младший брат подчинялся старшему, младшая сестра — старшей, младшая невестка — старшей невестке и т. д.

Глава семьи, занимал особое положение, ему беспрекословно подчинялись и дети, и все взрослые члены семьи. При этом авторитет ему создавали «большой опыт в хозяйственных, житейских делах, хорошее знание общественного этикета, воспитательный такт» [Гаджиева, 1985, с. 63]. Никто не смел возразить главе семьи, не согласиться с ним или высказать собственные суждения наперекор его мнению. Он был полновластным хозяином не только имущества, но и судеб членов семьи. «Отец полновластен над сыновьями, и последние должны во всём повиноваться ему, со смирением и глубочайшим почтением принимать всякое приказание и безропотно принимать всякое приказание и безропотно исполнять оное. Малейшее сопротивление и непослушание воле родите-

лей, по адату, есть величайший стыд, а по шариату — грех» [Гаджиева, 1985, с. 63].

Однако власть главы семьи, его исключительные права, не могли перейти в стадию произвола в силу ограничений, установленных традициями и нормами семейного общежития. Более того, авторитет и престиж главы семьи напрямую зависел от того, насколько искусно он мог поддерживать порядок, мир и согласие в семье, от его справедливости и хозяйственности. Все организаторские и управленческие функции возлагались на старшего мужчину, а в случае неумения руководить делами семьи или потери трудоспособности место главы семьи занимал брат или старший сын. В этом случае следует дифференцировать различные области соотношения формального и фактического главенства. Официальный общественный статус главы семьи всегда оставался за старшим мужчиной, даже если он был совсем дряхл, болен и нетрудоспособен. В этом случае к брату, но чаще всего к старшему сыну, переходил лишь неофициальный статус фактического распорядителя хозяйственной жизни семьи, который действовал как бы от лица традиционной главы и согласно его советам и указаниям [Смирнова, 1982, с. 45].

Для принятия решений, касающихся наиболее важных дел, глава семьи часто советовался с её взрослыми членами или же созывал семейный совет, на котором выслушивал мнение всех и принимал окончательное решение. Как отмечает С. Ш. Гаджиева, «в семейный совет входили взрослые мужчины, обычно сыновья главы семьи, и некоторые старшие опытные женщины. По сугубо важным вопросам, которые трудно было решить силами семьи, глава обращался за помощью к главам родственных патристических групп» [Гаджиева, 1985, с. 64].

Старшие мужчины занимали лучшую часть комнаты. Главе семьи отводилось почётное место («тёрь»). Оно располагалось в глубине жилища, чаще всего напротив двери, и застилалось войлоками, коврами. Никто не садился на место главы семьи даже в его отсутствие. Такое подчеркнуто уважительное отношение к старейшине проявлялось и в речевом взаимодействии: «Все домочадцы говорили с главой семьи почтительно, стоя, опустив глаза, кратко и чётко, но не громко, отвечая на его вопросы, поручения, предложения» [Лугуев, 2006, с. 72].

В свою очередь, согласно этикетным нормам, поведение главы семьи в общении со своими детьми было подчеркнуто отчуждённым. Даже находясь в своём доме, без посторонних, мужчина не мог позволить себе взять на руки своего ребёнка, сына или дочь, покачать в люльке или успокоить, если жена была занята. С подрастающими и взрослыми детьми отец должен

быть строг, требователен и эмоционально сдержан. За нарушение нравственно-этических начал или какую-либо другую провинность глава семьи мог прибегнуть как к физическому, так и к моральному наказанию. Физическое наказание могло быть в виде пощёчины либо, что гораздо реже, удара ремнём, палкой или плёткой. Самым страшным и тяжёлым наказанием считались некоторые виды «отлучения», которые носили форму запретов: на участие в общественной трапезе — «отлучение от стола», которое могло длиться от трёх дней до недели; на выполнение работы — «обречение на бездельность», которое длилось недолго — максимум несколько дней — и было самым постыдным для наказуемого [Лугуев, 2007, с. 40—41].

В больших (неразделенных) семьях существовало строгое половозрастное разделение труда. К мужским относились следующие обязанности: обеспечение семьи продуктами питания и предметами первой необходимости, пахота, все полевые работы, уход за скотом, пастьба, постройка и ремонт хозяйственных помещений, отбывание основных феодальных и казенных повинностей и т. д.

Глава семьи сам занимался распределением обязанностей между отдельными членами семьи исходя из умений и способностей каждого работника. Старшим поручалась более сложная и ответственная работа, младшим — несложная (выпас скота, уход за скотом, заготовка дров, перевозка и пр.).

В согласии с заветами пророка Мухаммеда у кумыков, как и всех мусульман, было принято бережно и с уважением относиться к своим женам. Этого требовали и юридические нормы: «Муж и жена должны жить в добром согласии и любви; жена повинуется мужу, а муж должен признавать ее как подругу, но не как рабыню» [Шихалиев, 1993, с. 126].

3. Модель «хозяйка дома — остальные члены семьи»

После мужа вторым по значимости лицом в семье была его жена. Муж мог обратиться к жене за советом, доверить ей организацию семейного мероприятия, а по достижении определённого возраста старшая женщина (*абай, апай, уллу ажай* — кум.), если того требовала ситуация, могла принять участие и в семейном совете, куда входили все взрослые мужчины тухума (союза семей по кровному родству).

В большой (неразделённой) семье хозяйственная роль женщины была очень велика. Являясь хозяйкой дома, «старшая» владела связкой ключей от дома, кладовых, сундуков и распоряжалась запасами продуктов. Наиболее ответственные работы по хозяйству поручались старшим снохам, восторженные и наиболее трудоёмкие — остальным женщинам. «Свекровь,

если она была трудоспособна, также принимала участие в выполнении хозяйственных функций, показывала пример трудолюбия и аккуратности. Если же свекровь была уже нетрудоспособна, она только распоряжалась, контролировала деятельность домашних и ухаживала за детьми» [Гаджиева, 1990, с. 161].

Опираясь на свой высокий статус, старшая брала на себя самые лёгкие работы, перекладывая тяжёлые и менее престижные работы на невесток. Но и тут она не оставалась в стороне, а контролировала каждый шаг своих подопечных. Хозяйка дома сама готовила пищу для членов семьи и определяла, какой должна быть у каждого порция еды: она разливала по пиалам суп, распределяла куски мяса между членами семьи, наливала чай. Если же свекровь, по состоянию здоровья, не могла готовить, то эта обязанность перепоручалась старшей невестке. Как правило, перепоручение несло в себе некий «хвалебный» смысл и часто сопровождалось словами, обращенными к снохе: «У тебя это лучше получается».

В случае нетрудоспособности или смерти «старшей» главенство в домашнем хозяйстве переходило к старшей из невесток, которая была замужем за старшим сыном, таким образом, старшинство её определялось по возрасту мужа. Это так называемое «позиционное старшинство» [Смирнова, 1982, с. 47].

Старшая женщина не только занимала руководящую роль в домашнем хозяйстве, но и служила неким связующим звеном между всеми членами семьи. Мудрая хозяйка могла не только грамотно распределить домашнюю работу между снохами, но и поддерживать мир между ними, стараясь не ущемлять одних и не жалеть других. Она сглаживала внутрисемейные конфликты и противоречия между членами семьи. «Старшая женщина была непременным членом семейного совета и руководила воспитанием детей. Исключение составляли мальчики-подростки, воспитанием которых занимались мужчины» [Гаджиева, 1985, с. 68]. Невестки беспрекословно подчинялись слову свекрови, но и свекровь имела некоторые обязательства перед невестками. Это выражалось скорее в формах избегания: например, свекровь не могла войти в комнату снохи без её приглашения, даже в случае крайней необходимости она старалась не переступить порога комнаты невестки без ее ведома.

Власть старшей женщины распространялась и на старшего сына. Возвратившись из дальней поездки и привезя гостинцы, необходимые в хозяйстве или быту вещи, он должен был первым делом проведать мать, справиться о её здоровье и предоставить ей возможность самой распорядиться купленными вещами.

4. Модель «муж — жена»

Как в больших, так и в малых семьях взаимоотношения между мужем и женой строго регулировались адатами, шариатом, традициями и отличались жесткостью по отношению к женщине со стороны мужчины, даже некой аскетичностью общения. Так, например, этикет не позволял мужу называть свою жену по имени не только на людях, но и наедине. Муж обращался к жене не иначе, как *гьей* («эй», «слушай»), говоря о жене при детях говорил: *ваша мать, мать Арсена* (называя по имени старшего сына), *наша хозяйка, наша старшая* и т. д. Сама же жена, чтобы обратиться к мужу, посылала к нему детей и только в очень редких случаях сама могла обратиться. Говоря о супруге с членами семьи, жена использовала имена: *ол* (он), *атагъыз* (ваш отец) или *агъагъыз* (ваш господин) — и никогда не называла его по имени. Так, Манай Алибеков писал: «Жены не вмешивались в дела мужей. Жены не спрашивали, что делал муж, что брал он, что давал. Порядочные жены делали всё, что скажут мужья, не разбираясь, правильно ли это или нет. Они не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. С отцами мужей они не говорили до самой смерти. Когда мужья уходили куда-нибудь, то жены не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что если придёт с их мужьями кто, то придётся им стыдиться перед ними. Были такие из мужей, которые давали развод своим жёнам за то, что их заставляли спать» [Алибеков, 1927, с. 30].

Согласно этикету, в присутствии мужа жена должна была вести себя незаметно, говорить тихо, не шуметь, всем своим видом и действиями доказывая его главенство. Так, Магомедова Умукусум из селения Нижнее Казанище вспоминает: «При своём муже я головы не могла поднять или в глаза ему посмотреть, боясь оскорбить его этим» [Полевой материал автора, 2011].

В то же время, согласно правилам поведения, «муж никогда не повышал голоса на жену в присутствии детей, не говоря уже о том, чтобы поднять на неё руку, не упрекал и не унижал её достоинства. Если ссора и происходила между супругами, то дети при этом не присутствовали» [Гимбатова, 2007, с. 98]. В соответствии с принятыми в дагестанском обществе нормами общения плохое обращение с женщиной, проявление жестокости и насилия по отношению к ней резко осуждались социумом и считались позором, а доброта, воспитанность и гуманность по отношению к женщине рассматривались как общепринятые нравственные нормы [Исламмагомедов, 1990, с. 204].

Этикет не позволял детям проявлять к отцу никакой фамильярности, даже оттенка небрежности. Та же почтительность проявлялась и к мате-

ри. Но в обход традиций сын или дочь в отсутствии отца и посторонних могли позволить себе оспорить распоряжения матери, выразить своё недовольство, настаивать на своей правоте и т. д. Однако и в этих случаях последнее слово всегда оставалось за матерью. «Физическому наказанию мать могла подвергнуть ребёнка, реже — подростка, в исключительных случаях — дочь до её замужества. В подавляющем большинстве случаев “критические ситуации” заканчивались и вовсе без побоев и ограничивались угрозой матери пожаловаться отцу детей: такая мера была достаточно эффективна» [Лугуев, 2006, с. 85—86].

Непререкаемый авторитет главы семьи — мужчины, зависимое положение женщины и отчуждение между ними были наиболее характерны для кумыкской семьи. Однако авторитет жены у мужа и других членов семьи зависел от её умения повлиять на мужа при выполнении им внутрисемейных функций, создать в семье атмосферу уюта, взаимопонимания и уважения, правильно вести себя с членами семьи и родственниками мужа. Многие из этих умений женщина могла освоить в родительском доме, другие вырабатывались благодаря опыту уже после замужества.

5. Этикетные нормы в отношениях детей

В соответствии с иерархической структурой кумыкской семьи особое почтение оказывалось и старшему брату, который являлся не только первым помощником главы семьи, но и его преемником. Младшие братья и сёстры должны были обращаться к старшему брату с почтением, выполнять все его поручения и слушаться во всём. Даже старшая сестра должна была относиться с уважением к старшему из братьев.

Особого внимания заслуживают взаимоотношения в модели «старший брат — младший брат». Существовало несколько обязательных правил этикета, которые соблюдались братьями. Так, младший должен был встать, если в комнату входил старший брат, и не садиться, пока со стороны старшего не поступало предложения сесть. Если встречались сидя на конях, то младший мог приветствовать старшего, приостановив лошадь и приподнявшись в стременах. В ответ старший брат приветствовал младшего кивком головы или словами, но не приподнимался. Если старший брат заговаривал с младшим, который выглядывал из окна, находился на балконе, галерее или каком-либо другом возвышении, то младший со словами извинения просил ненадолго прервать беседу и спускался к старшему для её продолжения.

Обязательные формы проявления внимания и уважения братьев друг другу сопровождалась запретами на фамильярное и некорректное пове-

дение. Так, крайне скупо братья проявляли себя в телесных контактах. Встретившись после разлуки, братья могли позволить себе лёгкое объятие, похлопывание по плечу старшим младшего либо рукопожатие, при котором младший брат пожимал руку старшего обеими руками.

Телесный контакт происходил иначе, если дело касалось общения между сёстрами. Они могли обняться, обменяться поцелуями, одна сестра могла взять другую под руку или за руку. Однако имелись ограничения другого плана, например, запрещалось насмехаться и подшучивать над старшей сестрой, делать ей замечания в присутствии посторонних.

Оказание помощи младшим детям со стороны старших не предусматривалось: старшая сестра могла ограничить своё участие в общей работе или работе, выполняемой сестрой, поучениями и советами. Младшей же сестре нормы трудовой этики предписывали оказание любой посильной помощи старшей сестре, вплоть до взятия на себя выполнения её работы.

Если сёстры в личном общении могли всячески демонстрировать свою любовь и привязанность, зачастую наделяя друг друга ласковыми именами или лестными сравнениями, то подобное поведение между братьями или между братьями и сёстрами, даже если разница в возрасте была невелика, не допускалось. Единственным временным исключением во взаимоотношениях «сестра — брат» могло быть обстоятельство, при котором сестра значительно старше брата, а он ещё не достиг совершеннолетия. В таком случае допускалось со стороны сестры использование в обращении ласковых имен, прозвищ, сокращенной формы имени мальчика.

6. Модель «невестка — домочадцы»

В большой (неразделённой) семье невестка во всём подчинялась не только мужу, но и свекрови, придерживаясь тех норм поведения, которые были приняты в этой семье. На плечи молодой невестки взваливали основной груз наиболее тяжёлых забот. Свекровь намеренно загружала работой сноху, готовя ее, таким образом, к роли хозяйки дома.

Согласно этикету, обращались к невестке просто *гелин*, не называя её по имени, но если в доме было несколько невесток, к слову *гелин* добавляли их собственные имена. Старшая невестка, обращаясь к младшей, называла её «гелин» с добавлением её имени, младшая, обращаясь к старшей — *бажив* с добавлением имени старшей. В некоторых семьях младшие дети обращались к молодой невестке *бажив гелин* или *бажив*.

Серьёзным препятствием в процессе привыкания к новой семье для молодой женщины служило непереносимое соблюдение запретов, связанных с обычаем избегания (по классификации Я. С. Смирновой: между супру-

гами, между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа и между мужем и родственниками жены [Смирнова, 1983, с. 45]). По мнению С. Ш. Гаджиевой, «у народов Дагестана обычаи избегания проявлялись в редуцированной, осколочной, порой в трудноуловимой форме» [Гаджиева, 1985, с. 174].

Чем моложе были супруги, тем строже они должны были придерживаться обычая избегания, который в той или иной форме соблюдался ими до самой смерти. Согласно этикету, свободное время молодому мужу полагалось проводить не с женой, а в общей семейной комнате отцовского дома. Если туда по какой-то причине заходила его жена, он тут же должен был покинуть помещение. Если же они оба были вынуждены находиться вместе в семейной комнате, то вели себя совершенно отчуждённо [Гаджиева, 1990, с. 177]. Запрет на общение при родственниках, особенно при старших, мог длиться годами, а иногда и десятилетиями. В таких случаях общение происходило через посредников, чаще всего роль посредников выполняли младшие члены семьи.

Старших братьев и сестёр мужа невестка почитала так же, как и родителей, в их отношении тоже соблюдался обычай избегания. Невестка не могла напрямую обратиться к старшему деверю, а просила кого-то из младших передать её слова. Все поручения деверя или золовки немедленно выполнялись. По прошествии какого-то времени золовка могла прекратить избегание, сказав об этом и сделав подарок молодой снохе, но и после того их отношения продолжали оставаться уважительными, невестка никогда не перечила золовке, не перебивала её и не отдавала указаний.

7. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что внутрисемейный этикет кумыков в рассматриваемый нами период отличался сложными этическими правилами в отношении ролей и статусов всех членов семьи.

Заслуживает особого внимания тот факт, что обычай избегания являлся одной из главных составляющих кумыкского этикета. Согласно рассказам информантов, зафиксированным в наших полевых материалах (см., например: [Полевой материал автора, 2011]), семейно-брачные запреты имели этический характер, а их соблюдение рассматривалось как проявление целомудрия, скромности, воспитанности, глубокого уважения и почитания мужа и его родственников. Соблюдение запретов позволяло прежде всего регулировать поведение членов семьи, в частности, обеспечивать соблюдение иерархии в их взаимоотношениях и, таким образом, сохранять мир и порядок в доме.

Источники и принятые сокращения

1. *Исламмагомедов А. И.* Общественный быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1990 / А. И. Исламмагомедов // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 717. С. 204.
2. *Полевой* материал автора, 2011 г. Информатор — У. Ш. Магомедова, 1920 г. р., село — Н. Казанище.

Литература

1. *Алибеков М.* Адагы кумыков / М. Алибеков ; пер. Т. Бейбулатова. — Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1927. — 30 с.
2. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX — нач. XX в. / С. Ш. Гаджиева. — Москва : Наука, 1985. — С. 63—64 с.
3. *Гаджиева С. Ш.* Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. / С. Ш. Гаджиева. — Москва : Наука, 1990. — 161 с.
4. *Гимбатова М. Б.* Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX — начало XX века) / М. Б. Гимбатова. — Махачкала : Эпоха, 2007. — 98 с.
5. *Лугуев С. А.* Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX — начало XX века / С. А. Лугуев. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. — 72 с.
6. *Лугуев С. А.* Традиционные нормы межличностного и группового общения народов Дагестана в XIX — начале XX в. / С. А. Лугуев. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. — С. 40—41 с.
7. *Смирнова Я. С.* Роли и статусы старших в абхазской семье / Я. С. Смирнова // Советская этнография. — 1982. — Выпуск 6. — С. 45.
8. *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа / Я. С. Смирнова. — Москва : Наука, 1983. — 37 с.
9. *Шихалиев Д.-М. М.* Рассказ кумыка о кумыках / Д.-М. М. Шихалиев. — Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1993. — 126 с.

Family Etiquette of Kumyks of 19th — Early 20th Centuries

© **Kramynina Kamilla Magomedrasulovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-0904-9973, junior research scientist, Department of Ethnography, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), kamillorna2@gmail.com.

The article considers the family etiquette of Kumyks of 19th — early 20th centuries on the basis of existing scientific works devoted to the life of Caucasus peoples, and expedition material collected by the author of the article. Various aspects of intra-family etiquette relationships of Kumyks in the specified period are shown. Various etiquette situations, roles and statuses of each family member are recreated and analyzed in detail. The question is raised about the conditionality of the relations of supremacy and unques-

tioning subordination of one family member to another within the framework of etiquette and observance of mandatory norms of behaviour. The relevance of this study is due to the interest in the identity of family relations of different peoples against the background of globalization processes, often devaluing the role of the family. It is indicated that the culture of behaviour, in particular etiquette relations, are based on ethical norms that have been formed in society and in the family as part of it for centuries. This study examines the family relationships in Kumyks, which are regulated by certain etiquette rules. Particular attention is paid to family etiquette in various forms of the family — large (undivided) (*уллу агълю* — in Kumyk language) and small (nuclear) (*бир уьй агълю* — in Kumyk language) that existed in the study period in Kumyks.

Key words: etiquette; etiquette situation; norms of behaviour; communication; Kumyks.

Material resource

- Islammagomedov, A. I. (1990). *Obshchestvennyy byt narodov Dagestana v XIX—XX vv. Makhachkala. In: RF IIAE. F. 3. Op. 3. D. 717. 204. (In Russ.)*.
- Polevoy material avtora. (2011). Informator U. Sh. Magomedova, 1920 g. r., selo N. Kazanishche. (In Russ.).

References

- Alibekov, M., Beybulatova, T. (per.). (1927). *Adaty kumykov. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.)*.
- Gadzhiyeva, S. Sh. (1990). *Dagestanskiye terekemetsy. XIX nachalo XX v. Moskva: Nauka. (In Russ.)*.
- Gimbatova, M. B. (2007). *Kultura povedeniya i etiket nogaytsev v semeynom i obshchestvennom bytu (XIX — nachalo XX veka). Makhachkala: Epokha. (In Russ.)*.
- Luguyev, S. A. (2006). *Kultura povedeniya i etiket dagestantsev. XIX — nachalo XX veka. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. (In Russ.)*.
- Luguyev, S. A. (2007). *Traditsionnyye normy mezlichnostnogo i gruppovogo obshcheniya narodov Dagestana v XIX nachale XX v. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 40—41. (In Russ.)*.
- Shikhaliyev, D. M. M. (1993). *Rasskaz kumyka o kumykakh. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.)*.
- Smirnova, Ya. S. (1982). Roli i statusy starshikh v abkhazskoy semye. In: *Sovetskaya etnografiya, 6. (In Russ.)*.
- Smirnova, Ya. S. (1983). *Semya i semeynyy byt narodov Severnogo Kavkaza. Moskva: Nauka. (In Russ.)*.